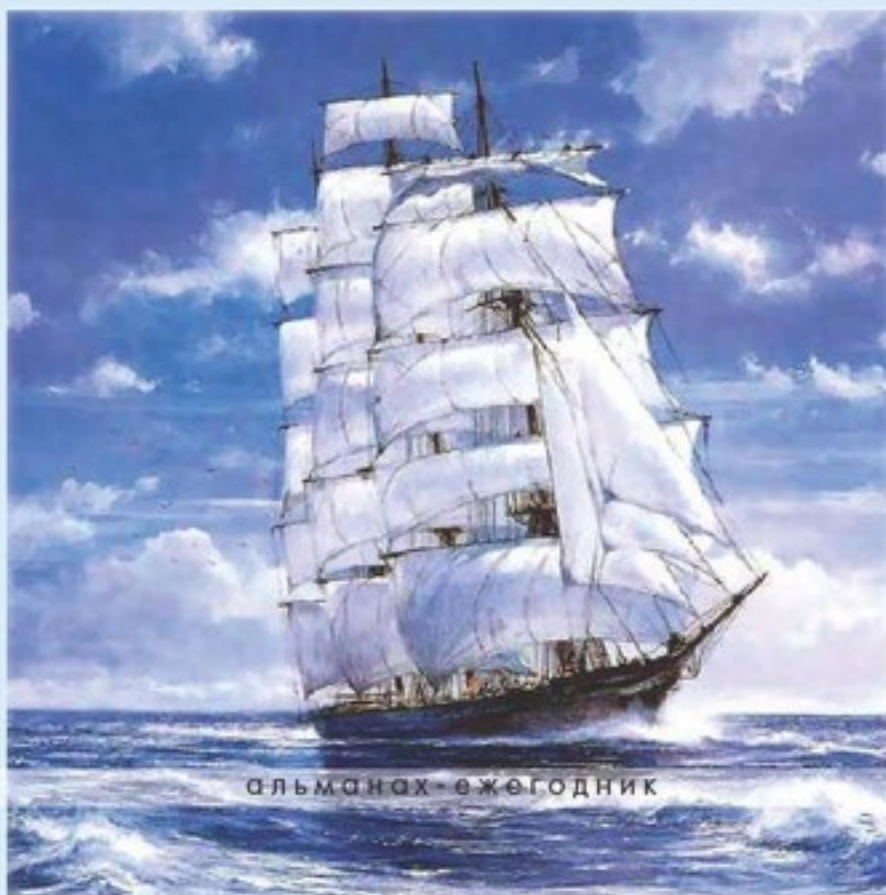

Поэтический фарватер

альманах-ежегодник

Коллектив авторов

Поэтический фарватер (сборник)

«Нордмедиздат»

2011

Коллектив авторов

Поэтический фарватер (сборник) / Коллектив авторов —
«Нордмедиздат», 2011

ISBN 978-5-457-05268-0

В сборнике представлены стихи и проза поэтов литературного объединения «Путь на моря» имени Всеволода Азарова, отметившего свой 35-летний юбилей в октябре 2009 года.

ISBN 978-5-457-05268-0

© Коллектив авторов, 2011

© Нордмедиздат, 2011

Содержание

От редактора	6
По волнам поэзии	7
Олег Акимов	7
Малая родина	7
Пожелание моряку	7
Михаил Балашов	9
Николаю Данилову	9
Цена	9
А те снаружи все обмануты	10
Всеволод Кудрин	11
Дерзновение	11
Старому другу	11
Удивление	12
Елена Бычкова	13
Поцелуй	13
В ссоре	13
На заливе	14
Светлана Васильева	15
Клён	15
Эдуард Данилов	17
Фарватер	17
Блокадное письмо	17
Жизнь	17
Ничто не в силах измениться	18
Виктор Драчев	19
Шторм	19
Я слышу дыхание моря	19
Владимир Дудров	21
Шторм	21
Мария Егорова	22
Заморские пряности	22
Имбирь	22
Кардамон	22
Гвоздика	22
Ирина Живописцева	23
Летний вечер	23
Юрий Каврайский	25
Татьяна Карпенко	26
Прогулка по Питеру	26
Алла Кузнецова	28
Венки на воде	28
Рождение этюда	28
Дарья Логинова	30
Николай Михин	31
Виктору Конецкому	31
Елена Медведева	33

Героям блокады	33
Улыбка из блокады	33
9 мая	34
Вячеслав Мельников	35
Ода о несбывшемся подводнике	35
Номер первый	35
Галина Минеева	37
Алекс Надир	38
Графиня	38
Ставши ангелом	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Авторский коллектив Поэтический фарватер

От редактора Доброго пути!

Предлагаем читателю очередной сборник стихов и прозы литературного объединения «Путь на моря» имени Всеволода Азарова. Очередной, и в то же время первый, поскольку с этого выпуска решено издавать его ежегодно ко дню рождения ЛИТО – к началу апреля.

В альманахе-ежегоднике будут публиковаться и стихи, и проза наших авторов (в разделах «По волнам поэзии» и «Островки прозы»); в нём также появились новые разделы: сатиры и юмора – «Рында», и раздел для детей – «Юнга»; в разделе «За тех, кто в море» будут печататься произведения наших товарищей, которых с нами, к сожалению, уже нет. Кроме этого, предусмотрен периодический раздел «Ниже ватерлинии», куда будут входить критические заметки, фельетоны и эпиграммы по мере поступления таковых.

Итак, в качестве ежегодника «Поэтический фарватер» (решено оставить это название) выходит впервые. Пожелаем же ему, кораблику нашего литературного экипажа, доброго пути и семь футов под килем!

Николай Михин,

руководитель ЛИТО «Путь на моря» имени Всеволода Азарова, член Союза писателей России.

По волнам поэзии

*Унесёт наши дни река,
Растворит в океане грёз.
И пройдут после нас века,
Будто не было нас всерьёз...*
С. Тернов

Олег Акимов

*Я знаю, город будет!
Я знаю, саду цвести!..*
В. Маяковский

Малая родина

Родина моя, Сибирь-земля,
Где на склонах синие поля,
Где в разломах гор несут ручьи
Слёзы родниковые твои.

Больно видеть, как тебя за что-то
(Может, не понравилась кому?),
Растворив в двуокиси азота,
Утопили в гари и дыму.

Над цехами – отблеск звёзд кремлёвских,
Металлурги плавку выдают,
Город-сад, воспетый Маяковским,
Здесь сегодня птицы не поют.

Тихо подойду к твоим берёзам,
Что стоят, качая головой,
Город-сад – больной туберкулёзом,
Город-сад с желтеющей листвой.

Он молчит, как будто упрекая
Тех, кто пожелал ему беды.
Город-сад в предгорьях Алтая —
Мёртвый сад, горьки его плоды...

Пожелание моряку

В затянутом дымкой безбрежном просторе,

Где воздух штормами пропах,
Твой мир – три стихии меж Небом и Морем,
Работа до боли в руках.

Там, в дальних морях, пролегли твои мили,
Подняты твои якоря,
Попутного ветра! Семь футов под килем!
Удачи тебе...
Моряк...

Михаил Балашов

Николаю Данилову

Опять как с Гаем – вроде, что тут странного:
Не молодой уж – восемьдесят три...
Готовы ко всему, но свежей раною
Клокочет снова что-то там внутри:
Ну, как же так. давно ли. разговорами
Наивно подменяли радость встреч.
И вот, поди ж ты. раскричались вороны.
И давит небо – не расправить плеч.
Легко заснула плоть Высокой Милостью —
Спасибо, ты и вправду заслужил.
На шаг послушно строй друзей подвинулся.
И в каждом сердце – след твоей души.

01.03.2008

* * *

Секунды падают на скорлупу паркета
И разлетаются корпускулами брызг.
Летит сквозь брызги *умудрённая* планета
Под временной непрекращающийся визг.
Его не слышно в тесноте вульгарной буден,
Но иногда, паркет взрывая по ночам,
Бывает он доступен некоторым людям.
Порой, как тиканье часов из-за плеча.

Цена

Высь чернотой наполнилась – множится ночи власть.
Бродит звезда над полночью – ищет куда упасть.

Жду, затаив дыхание, – не отпугнуть бы. Жду,
Прячу в слова желание – в детскую ворожбу.

Вздых, словно всхлип – опомнился. Чуть ли не вскрикнул:
«Нет!»
Лучше пусть не исполнится, чем твой погаснет свет».

* * *

Любви хоть потакай, хоть прекословь,
Она своё воздаст, твоё получит.
И даже если прежде не измучит,
Поймёшь наверно что же есть любовь.

А если сомневаешься – она ли?
Вот тут-то успокойся – не она.
Хотя уже всё отдано сполна.
Хотя кого-то жертвою признали.

Но это не коварство, не обман.
И утро будет мудреней, чем вечер,
И чей-то опыт будет безупречен,
Чтоб угодить в очередной капкан.

А те снаружи все обмануты

Ладони обжигает пламенем —
Привычный страх знакомый с детства.
Но этим страхом не согреться —
Бесследно умерли желания.

Костёр покалывает лёгкие,
Ложится посекундно в память
По искорке,
снопами хлёсткими
Летит – и небо словно камень

Звон отражает колокольный.
Так любопытно получается,
Что мне уже совсем не больно —
Крик сам собою прекращается.

Я пламя трогаю ладонями.
А тем, снаружи – не покаяться.
Молчание моё не поняли.
Всё только-только начинается.

Всеволод Кудрин

Дерзновение

Мир космоса совсем не беспределен.
Его ваял в иных пространствах Бог.
Там космоса Творец своё изделие,
Гончарным кругом выровняв, обжёл.

Он обжигал Вселенную в горниле,
В нетленном, вечном пламени огня.
В неё, свой труд окончив, поселил он
Адама с Евой, а затем меня...

Он человеку дал воображенье.
Воображению нигде преграды нет,
Когда идет с его вооруженьем
В экстазе поэтическом поэт.

Адам уснул. Гуляет где-то Ева.
Пустынно светит звездный Млечный путь.
Один иду, землянин дерзновенный,
За край Вселенной к Богу заглянуть.

Старому другу

Реет наш духовный парус
Над житейским кораблём.
Вдохновясь, забыв про старость,
Мы ликуем и поём.

На плаву, всех бездн превыше,
Держит русский нас язык.
Кто созвучий ритмы слышит —
Без стихов жить не привык.

Мчась под парусом духовным,
Возносясь до облаков,
Друг мой старый, солнцем полни
Паруса своих стихов.

Негативы жизни брэнной
Оставляя за бортом,
Проплывем мы по вселенной

Только с радостным стихом!

Удивление

Весь Петербург под мокрой тучей.
Под тучами и область вся.
Наполнены водой летучей,
Они – то льют, то моросят.

Не подсчитать, когда б спросили,
На груды глядя облаков,
Объём воды, чтоб пол-России
Одеть сугробами снегов,

И льдом покрыть озёра, реки,
Образовать росу, туман.
И чтоб вовеки волны в бреги
Катил великий океан.

Воды так много на планете,
Что удивленью нет конца.
Всё говорит на белом свете
О всемогуществе Творца!

Елена Бычкова

Поцелуй

К празднику парусной регаты г. Выборга

Ну, как ты, капитан? Штормило ли на море?
И где большой корабль поставлен на причал?
Как эти триста дней: в любви иль всё же в горе
Ты прожил без меня? Скажи хотя б: «Скучал».

А я устала, знай! От слёз и невезенья,
От тех ранимых снов, что рвутся по ночам,
Той ласковой весной искала я спасенья,
Надеясь, что любовь спасеньем будет нам.

Ну, что же ты молчишь? Ну, что ж ты так невесел?
Хоть слово о любви скажи и не ревнуй!
А я отдам тебе любви последней песню
Всего лишь за один твой нежный поцелуй.

В ссоре

Раскалилась сковородка докрасна,
А на улице студёная весна.
Я поджарю мужу парочку котлет,
В два часа придёт он, хмурый, на обед.

Скажет: долго ли сегодня ты спала?
Все ли сделаны домашние дела?
Почему опять не убрана постель?
Где причёска, ведь на полке – новый гель?

Проведу рукой по пышным волосам:
– Причешись-ка, – я скажу ему, – ты сам!
Много сделала, да есть ещё дела!
Не тебя ли я домой сейчас ждала?

Не тебе ли я готовила обед?
Торопилась, потому причёски нет!
Не для нас ли эта мягкая постель?
Я с утра скачу по дому, как газель!

Разбредёмся от обиды по углам.

– Никому тебя, – он крикнет, – не отдам!
Улыбнётся окрылённая душа,
Ведь душа и без причёски хороша!

На заливе

Брожу по пляжу Финского залива,
Вдыхая свежесть утреннего ветра.
Прибой, волнуясь, пенится спесиво
И уползает, не пройдя и метра

До ног моих, погруженных в сандалии,
Ступающих на белые ракушки.
Балтийский мыс, конечно, не Анталия,
Но как похожи сосенок макушки,

Как семенами золотятся шишки,
Готовые вот-вот уже раскрыться.
Быть может, вспоминая, часто слишком
Переношусь на берег, словно птица,

Туда, где чайки белые парили,
Где облаков разбросанные шали,
Где за следами грешными моими
Твои следы отчаянно бежали.

Светлана Васильева

Клён

Мне клён принёс букет огня,
Он весь горел, он звал меня.
Всю опалил своей листвою,
Всё осветил вокруг собой.
Любовник-клён не пощадил,
Он красотой меня сгубил —
Одну оставил в сонной мгле
На спящей в золоте земле,
Где в тёмной графике аллеи
Застыла музыка ветвей.

* * *

Твоих богов и я игрушка.
Твой гений прилетал ко мне.
Эротом был он непослушным,
И тоже был не верен мне.
Он был, увы, ужасно грязен,
Безумен, груб и безобразен,
Но он умел летать со мной
Над бедной матушкой-землёй.

* * *

Когда душа извращена —
Добро от зла не отличают,
Когда любовь так высока,
Простые чувства презирают.
А дьявол смотрит с высоты
На всплеск мышиною суеты,
На боль, на радость, вдохновение,
На глупость, зло, на преступление.
«Не убивай». Но тело прах —
Душа убита впопыхах.
Никто убийства не заметил,
Никто за это не ответил,
И лишь смеялся старый бес

Над чистотой простых небес.

* * *

Как я – колдун и чародей,
Предатель, гений и злодей,
Как я – философ и невежда,
Он был любовь, он был надежда.
И я умела, как и ты,
Увидеть сущность красоты.
В её космическом огне
Чужие сны приснились мне.

* * *

Есть в этой жизни только час,
Лишь только этот миг, сейчас,
Лишь чувство жизни, красоты,
Лишь эта музыка мечты.
Один последний, смертный час,
Последний вздох, в последний раз.
А завтра будет новый день,
А может, будет только тень
Того сияющего дня,
Что стал последним для меня.

Эдуард Данилов

Фарватер

Мне говорить не стоит о печали.
Живу давно в сетях ее тугих.
Меня на Жизнь с печалью повенчали
Тревоги в жизни близких, дорогих.
И тщетно мне казаться безучастным
К суровости спокойствия измен.
Несу свой крест фарватером опасным
Вослед судьбе, с надеждой перемен.

Блокадное письмо

Знаю, папочка, будешь ты рад
Знать о том, что дочурка – живая,
И не сдался врагу Ленинград,
Вновь земля опьянела от мая.

В ленинградском блокадном кольце
Я от смерти бегу, как умею.
Нет, не думаю я о конце —
Я не сдамся фашистскому змею!

Вновь весна. Посветлел небосвод.
Я доела последние крошки.
Так от голода сводит живот.
В нем скребутся голодные кошки.

Справедливости здесь не ищи.
Я слежу за травинкой растущей.
Подрастет – из нее сварю щи.
Жаль, сварить не удастся погуще.

От блокады спаси Ленинград.
Обещаю дожить я до встречи.
Будет лучшей тебе из наград —
Дочь обнять за худющие плечи.

Жизнь

Лодку любви качнёт
Влево тихонько, вправо...
Жизнь – это яд иль мёд?
Сладость или отрава?
Зорь молчаливых свет
Льётся в моё сомнение...
Есть лишь один ответ:
Жизнь – это вдохновение!

Ничто не в силах измениться

В небе птиц отлётных перебранки.
Мне успеть бы осень рассмотреть,
Как летят осенние подранки —
Листьев разлохмаченная медь.

Нет, ничто не в силах измениться,
Ни весны, ни осени наряд.
Пред тобой хотел бы извиниться
Лишь за то, что встрече был бы рад.

Ты вплывёшь осеннею гвоздикой
На волне неистовых ветров,
И сгорят сомненья жизни дикой
В глубине небесных звёзд костров.

Виктор Драчев

Шторм

Седые тучи в жарком споре
Снуют над бездною морей.
Раскаты грома. На просторе
Проснулся труженик Борей.
Вот, словно конница лихая,
Несётся вскачь лавина волн,
Грохочет и, не утихая,
Взойти пытается на мол.

В открытом море собирая
Ватаги буйные свои,
Зарю стихия им играет,
Там гул неистовый стоит...
И снова волнами бросаясь,
На берег штурмом шторм идёт,
То падая, то поднимаясь,
То глухо стонет, то поёт.

Как будто бы в котле горячем
Вода свинцовая кипит.
И кажется, что кто-то плачет
Или о помощи вопит.
А волны катятся. Певуче
Встают громады диких сил.
О шторм! Бессильный и могучий!
Ты грозен на море и мил!

Который день корабль в дозоре.
Ты не горюй и не грусти —
Качает нас родное море,
Оно мужчин из нас растит.

Я слышу дыхание моря

*Я скажу: «Не надо рая,
Дайте Родину мою!...»*
Сергей Есенин

Я слышу дыхание моря,
Безудержный вижу прибой.

Кому-то печали да горе,
А мне – благодать да покой.

Близки мне морские просторы.
О море я с детства мечтал,
О море ловил разговоры
И бегал юнцом на причал.

И вот позади мореходка,
Ходил я в моря на судах.
Владею морскою походкой,
Добытой в штормах и во льдах.

Теперь моя жизнь... городская,
Поборы исправно плачу.
Не надо мне этого рая —
Я в море шальное хочу!

Друзья и родные! Поверьте,
Мне прошлое спать не даёт:
Тоскует, волнуется сердце,
По-прежнему в море зовёт.

* * *

Тебе одной я говорил: «Побудь со мной!»
Цветы роскошные дарил
Тебе одной.
Я и теперь тебя люблю. Ты мне поверь!
О днях, нам памятных, скорблю
Я и теперь.

Владимир Дудров

Шторм

За бортом волны кипенье,
Ветра свист и вой снастей,
Бесконечное соленье
Душ матросских до костей.

Соль морская лезет в щели,
Разъедая красок блеск,
Волны кружат, как качели,
Озорной, пьянящий всплеск.

Славно море расшумелось,
Раскачало корабли.
В тучах солнышко пригрелось,
Пряча лучики свои.

Небо тучки моет в море,
Море в небо поднялось,
Горизонт в одном узоре —
Всё стихиею сплелось.

* * *

Город-порт на берег вышел,
Смотрит в синюю волну.
Молодой «романтик» выжил,
Смял блокаду и войну,

Вновь над градом ангел в небе
И в руке его венец.
«Быть «Петру» в вине и хлебе!» —
Так сказал его творец.

Мария Егорова

Заморские пряности

Имбирь

«Люди моря», тайну зная, где цветет Звезда земная,
Охраняют зыбкий остров, чужаков не подпуская.
Там в вулканах закипают лавы дикие потоки.
Ливни грозами пугают в неожиданные сроки.
Из огня росток родится – жгучий вкус у корневища —
Потеряли корни «святость», не в Раю – в земле их ищут.
Пламя под землей таится, от тоски на волю рвется
С пряной силой чудотворной. Та Звезда – «Имбирь»
зовется.

Кардамон

Лоцман, осторожно ветер парусами набирая,
Медленно проводит клипер к берегам Индокитая.
Теплый воздух пропитали дорогие ароматы.
Кардамоном и шелками земли Азии богаты.
На подходе, близко, близко острова архипелага.
Рыб летучих – признак суши – за бортом пестрит ватага.
Лоцман примет контрабанды груз – диковинную
пряность,
И Британскую разведку известит, что болен малость.

Гвоздика

Тайных планов исполнитель золотые счел дублоны —
Караванщик, рассказавший про целебные бутоны.
Не давать цветку раскрыться – это промысла устои,
Чтоб наполнить юной силой королевские покои.
Но напрасно караваном путь проложен караванный —
Долог путь по океану, где цветущий остров пряный,
Где гвоздичные деревья в рощах вечно зеленеют...
Жаль, бесценные бутоны все цветами стать успеют.

Ирина Живописцева

Летний вечер

Золотистой чешуёю вспыхивает озеро,
А заря свои оттенки добавляет розово,
Словно сказочная рыбка плещется украдкою.
До чего ж оно красиво! Жаль, мгновенье краткое.
Купол неба вольно в водах с облаком полощется,
А на склоне рукоплещет молодая рощица.

* * *

Не надо погонять судьбу:
Придёт всё в срок – я это знаю,
И потому не погоняю.
Не жду, что каркнет на дубу
Судьба, иль ворон, или рок:
Всё вовремя придёт, в свой срок.

Лукавлю, прячу свой испуг
Под крик кукушки: Ку-ку! Ку-к...

* * *

Была когда-то у меня пластинка
С ростовскими и суздальскими звонами.
И возникала древняя картинка
Молящихся с глубокими поклонами.

В их искренности не было сомненья,
Их вере можно было позавидовать.
И в этих строгих, благостных молениях
Был Бог-отец, затмивший бога-идола.

Теперь молитвы, вера стали модой,
Звон колокольный близок пустословию.
Притворщики с великопостной мордой
Всё крестятся в церквях, не дрогнув бровью.

* * *

О, когда колокола
Сердце рвут печальным звоном,
Приникаю я со стоном
К памяти, что в них жила.

Звон будил весенний день
И пасхальные молитвы.
На столе кулич и ситный,
В окнах кружевная тень.

На пророшенном овсе
В длинных ящичках круглятся
Ярко крашеные яйца
В изумрудной полосе.

Дом пропитан чистотой —
Все углы расстались с пылью.
Пахнет сдобой и ванилью,
Блещут ризы красотой.

В окна бьётся светлый звон
С переливом колокольных,
И по-праздничному солнце
Поднимает небосклон.

Юрий Каврайский

* * *

Я не себя за всё благодарю,
А лишь судьбу благодарю за то,
Что сквозь страстей худое решето
Зерно любви – ура – не пролито.

Я не себя за то благодарю,
А лишь судьбу благодарю теперь,
Что я открыл притворенную дверь
Твоей души, где был пароль – «Поверь!».

Я не себя за всё благодарю,
А лишь свой ум благодарю, что слаб,
Что не родит таких похвал и слав,
Что совершенств твоих венчают сплав.

Я не судьбу за всё благодарю,
А лишь себя за то, что я смешон,
Что нрав не стянут мой, а расклешён,
Что нет тебе подобных дев и жён.

И я благодарю, любовь, тебя:
Её походка, голос, взгляд и стан —
Всё это мне среди морей и стран.
Продлитесь, чудеса, а время – стань!

И не во сне тогда, а наяву
Поверю волшебству и колдовству.

Татьяна Карпенко

Прогулка по Питеру

* * *

Мой Петербург красив и статен,
Над Невкой Малой – чаек крик,
Он утром розовым опрятен,
Умыт его старинный лик.

И парки распахнут объятья,
В росе зелёная трава.
Не страшны городу проклятья
Завистников.
И рек канва,

Смывая чёрные наветы,
Уносит прочь и бережёт
Глубокой старины заветы
И сон деревьев стережёт.

* * *

Над Летним загорелись звёзды,
Роняя свет сквозь тьму листвы.
Скульптуры мраморные мёрзли
От близости Большой Невы.

И сад Таврический, старинный,
Разлёгся важно на холмах.
Там некогда гуляли чинно
Детишки с боннами в чепцах.

И молодые офицеры,
Подняв оброненный платок,
В любовных тенётах химеры
Любовный делали глоток.

* * *

Гнал ветер листья по Фурштатской
(Здесь раньше был военкомат),
А через час на Петроградской
Вдыхали липы аромат.

Влюбился в ясные глаза Крестовки
Каменный давно,
И золотистая роса
Сверкала в травах за окном.

Крестовский нынче стал другим,
Ротонд и шлюпок нет в прудах,
Но, как и прежде, он любим,
И Жизнь кипит в его садах.

Алла Кузнецова

Венки на воде

Беспокоен простор,
где разбавлено синее серым,
Где белесые гребни
вскипают и падают вниз,
Где опять назовут
имена боевых офицеров,
Сочетая стихию
и грусть поминальных реприз.

Что-то грезилось ей,
скромной женщине с именем Галя,
Прикоснувшейся вновь
к страшной теме, для сердца родной,
И под взглядом ее
голенастые свечи мигали
На плавучих венках,
уносимых балтийской волной.

Преподносит нам жизнь
сувенир, где заряд смертоносный
До особой поры
в полудреме безмолвен и тих,
Но замедленность действия
взрывом не менее грозным
Разразится неожиданно,
вонзая осколки в мой стих.

Как вы сердцу близки
моему, офицерские жены!..
Только тот, кто обрел
этот титул, разделит, как хлеб,
Безысходность и боль
непомерной бедой обожженных,
Потерявших мужей
в субмарине, похожей на склеп...

Рождение этюда

Я шла по дремлющему саду,
А вдохновение моё,

Снося январскую прохладу,
Преображало бытиё,

И этот день прозрачно-синий
Без понуканий и удил
Этюдом стал пушистым, зимним,
Который в детство уводил.

Этюдом с крошками-домами
В платочках белых с бахромой,
Где незабвенный голос мамы
Привычно звал меня домой,

Призывно лаял пёс-ярыжка
(Люблю и в сердце берегу!),
И я бежала к ним вприпрыжку,
Теряя валенки в снегу...

Этюд в кипенье белопенном,
В стемневшем петербургском дне,
Затмив созвездия Вселенной,
Тихонько ластился ко мне.

* * *

Много ль надо нам в этом отрезке
На заслуженной тихой тропе?!
Но порой мы упрямы и резки,
С бывшей меркой подходим к себе.

Снова видим, какими мы были,
Снова верим, надежды творим,
Светлый день нами пройденной были
Вспоминаем – и ярче горим!

Дарья Логинова

* * *

Один небезызвестный Римский Папа,
На бойню вдохновляя свой народ,
Сказал, что никого жалеть не надо:
«Бог мудрый – сам на небе разберёт».

Таким дай только повод для раздора,
Но лучше, если бы наоборот:
Любить плохих, хороших – без разбора,
А мудрый Бог на небе – разберёт.

* * *

В час, когда не горят фонари,
Вечность неизмеримо короче.
Я безумно люблю декабри
За их черные, яркие ночи.

В них закутаться, спрятать глаза
И заплакать – никто не заметит.
Так беззвучно пройдут полчаса:
Только я, и машина, и ветер.

Лишь бы не проскочить поворот
К месту, что притворяется домом.
И зарыться в рутину забот.
Так, как будто нельзя по-другому.

Эхом дня посветлел небосвод,
Разрывая чернильные клочья.
Я опять проскочу поворот
По следам улетающей ночи.

Николай Михин

* * *

С детства я привык активно жить.
Жизнь порой и гнула, и ломала.
Преодолевая рубежи,
Я ошибок совершил немало.

Достиженья не всегда видны.
У друзей ходил в авторитете.
Ну, а много ль сделал для страны —
Разберутся наших внуков дети.

Ныне на лечение денег нет,
В чём судьбу нередко упрекаем.
И упал былой авторитет,
Что когда-то был непререкаем.

В творческом труде по мере сил
Я не поддаюсь печальным всхлипам.
Но компьютер вирус подхватил,
Заболел свиным, наверно, гриппом.

Шествую по жизни не спеша.
Этому причина – не усталость —
К старости жизнь вдвое хороша,
Сколько б этой жизни ни осталось.

Виктору Конецкому

Да, маринистика, конечно,
Пленила просвещённый мир.
Грин, Станюкович и – Конецкий,
Наш современник, мой кумир.

Нелёгкая в морях дорога,
Сквозь ярый шквал и полный штиль
Прошёл он! Мало или много,
Но больше сотен тысяч миль.

Сказал бы не «прошёл» – «проплавал»,
Я б суть морскую исказил.
Он много видел и по праву

Всё в чудных книгах отразил.

Другие, может быть, не хуже,
Он в творчестве – неповторим.
А я на море и на суше —
Всегда зачитывался им.

Простой, а для меня он – гений.
В нём – сердца пыл и моря гуд.
Все паруса его творений
К великой радости зовут.

* * *

Отель «Дельфин». Совсем не спится.
В отелях сон так неглубок.
К тому же утром ждёт граница —
Из Евроблока в Русский блок.

Стремимся к Бресту неуклонно.
Но на границе – чудеса:
Не вылезали из салона
При оформлении – два часа.

За час проехать было можно,
Я смело утверждать берусь.
Нас – два! – держали на таможне
Из Бяла Польска в Беларусь.

Елена Медведева

Героям блокады

К 60-летию освобождения Ленинграда

Когда-то в далёких военных
вам детство и юность сожгли.
Но светлые лики нетленно
на сердце и память легли.

Та жизнь словно сшита из ключев
то огненных зорь из парчи,
то белых снегов с многоточьем
следов торопливых в ночи.

Глядят с фотографии лица —
их времени пульс не затих!
И память слетит на страницы
слезами героев живых...

Родные! Любовию вашей
мы были на свет рождены.
Не верьте, коль кто-нибудь
скажет, что годы нам те не слышны.

Они нам – бессонные ночи,
как вахты под вражьем огнём.
И теплится жизни росточек
из детства блокадных времён.

Улыбка из блокады

Заковали в обруч железный
в сорок первом году Ленинград.
О, как станет ему полезным
мой отец, точно добрый брат!

Молодой боец, сердцем быстрый —
родниковый ручей на лугу!
Я любовь его влагой чистой
Всю до капельки берегу.

Сироту, паренька-связиста

Что спасло под прицельным огнем
в минном поле с травой росистой
и с военным безжалостным днем?

«Погляди, – папа скажет, – фото
тех далеких блокадных лет».
С мамой мне улыбаются кротко,
и тревожней памяти нет.

9 мая

Май солнцем славен, звучен лирой,
Победным воплощеньем мира
И памятью в сердцах и грёзах,
Ночных виденьях, часто слёзных.
Но жизни новь весной ростки пускает!
И ордена герои надевают!
Их обнимаем – слабеньких, сутулых.
А красота их – впадины на скулах
И добрые печальные глаза,
И к нам любовь, какой любить нельзя!
Её, любви, и не бывает много.
Она – нам жизнь и торная дорога,
Где каждый шаг – усилие вдвойне,
Но во сто крат труднее – на войне.

Вячеслав Мельников

Ода о несбывшемся подводнике

Стоят на праздник субмарины
Промеж мостами на Неве,
Над водной гладью, выгнув спины,
Что так знакомо было мне.
Для флота я – не инородный,
И я спускался в мир подводный,
Но что-то, видно, не срослось,
Отбыв к тому же срок короткий,
Когда на дизельной подлодке
Стажироваться довелось.

Не став подводником по плоти,
Я всё ж «присягу» принимал —
Внедренный на подводном флоте
Своеобразный ритуал:
Хотя б глотком морской водицы
Подводник должен причаститься,
Как службы будущей пролог.
Тогда, при первом погруженье,
Я удивил всех «достиженьем» —
Её полкружки выпить смог!

Я этим хвастаюсь не часто —
Так, между прочим, иногда.
И не была судьба несчастной
Все сухопутные года.
Когда я числился по флоту
И делал всякую работу,
Одну имел всегда мечту.
Я потрудился ей на славу,
Но отношу себя к подплаву,
И день подводника я чту!

Номер первый

Корабль не боевой, не на ходу,
Но первый в списках номером и рангом,
Хотя те дни, в семнадцатом году,
Не возвратятся бумерангом.

Я вновь стою на палубе его,
К нему пришедший в этот день погожий.
Чтоб с ним побыть у невских берегов,
Внушив себе, что наши судьбы схожи.

Прошли мы оба штили и шторма,
Чужие страны, дальние походы,
И пенный след чертила нам корма.
Но все же несравнимы наши годы!

Почти в два раза старше он меня.
И не давалось мне того простора,
Куда стремился, за собой маня,
Ведущий крейсер с именем «Аврора».

Хотя сейчас я вместе с ним стою,
Но в наше завтра – разные дороги:
На отдых – мне, ему – стоять в строю,
Он – первый номер, я – один из многих.

* * *

Манящая безбрежная стихия,
Лелея тот корабль, где я служил,
Очаровала так, что ей стихи я
Не без труда, но, всё-таки, сложил.

И, как итог стихийного движенья,
Который год (я думаю, не зря)
В безбрежный океан стихосложенья
Ведёт меня ЛИТО «Путь на моря».

Галина Минеева

* * *

Мой снежный, мой воздушный Петербург,
Весь радужным сиянием покрытый!
Ты пережил от лютых зим испуг
И ветров леденящие обиды.

Твоя прозрачность до того легка,
Что просто не понять – ты была иль небыль?
Ты хочешь спрятаться в седые облака
И с тучами играть, касаясь неба.

Деревьев дивный сон продлится до весны,
Но ветку малую зима благословила,
Осыпав инеем все ветви и стволы,
Красой своей волшебной наградила.

Рождественской звездой сияет твой покров.
Дать счастье всем душа твоя просила.
Прекрасен ты, как первая любовь,
Как наша несравненная Россия.

* * *

Свет над морем повис,
Будто жёлтый туман,
Точно фосфор холодный, разлитый.
А в воде – суета, а в воде – балаган,
Стаи рыбок свеченьем покрыты.
И окуталась светом медуза-краса,
Да и травы, и тина морская,
И в руках моих, ярким сияньем полна,
Горсть солёной воды золотая.

Алекс Надир

Графиня

Отведенная в сторону прядь,
Чуть припухлые, вздрогнули веки.
Жаль, забудешь меня ты опять,
Как тогда – в позапрошлом веке.

Те балы отгремели давно,
Время всё в свой закутало иней.
Отболел, отпечалился, но.
Как прекрасны Вы были, графиня!

Не понять – никому, никогда,
Не познать этой боли блаженства:
В жарком взгляде – сияние льда,
Доведенное до совершенства.

Как держались Вы: вальс, котильон.
Как смотрел я украдкой ревнивой,
И знакомый, насмешливый тон,
Это Ваше: «Так чем же больны Вы?»

Да не болен, а просто устал.
Одолели бессонные ночи.
Уж не помню, кто это сказал:
«Безысходности ровный почерк».

Так положено, видно, судьбой:
С обреченностью и в беспросветье
Путь прокладывать свой вековой
Из столетья за Вами в столетье.

Ставши ангелом

Для нее одной ставши ангелом,
Он и сам пройдет очищение.
Не с «поправкой на», просто заново.
Не в «расчете, что» – во спасение.

Для нее одной, для единственной
Он изменит мир – сам изменится.
Добровольно сдаст ранги, титулы,

В грош поставив то «чье-то мнение».

Потому что вдруг с полной ясностью
Он увидит всех, кто «советовал»,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.